

родные страсти разбужены, поднялась огромная волна, и одиночным убийством ее не остановишь. Можно лишь все сорвать, все испортить. Нет, гробить девушку не следует, тем более что она все-таки может пригодиться. Но чтобы заставить ее служить дворянскому делу, следует ограничить сферу ее действий. Надо немедленно отстранить ее от всякого вмешательства в ратные дела. Пусть остается идиолом. Пусть народ забавляется ею, как святой. Но и только. Этим чернь будет обезврежена, а капитаны и рыцари сделают то, что должны сделать. Тогда победу принесут те, кто и должен принести: благородные дворяне. Тогда монарх примет корону из рук тех, кому и надлежит ее давать: из рук знати. Тогда все останется на своих местах. Стихия войдет в берега, простолюдины согнутся под ярмом, кесарь получит кесарево, а бог — божье.

Представители знати, державшие сторону архиепископа, полностью согласились со всеми его аргументами и выводами, а старик Гокур взял на себя проведение их в жизнь. В период подготовки вторичного выступления армии из Блуа было созвано тайное совещание. Знатные капитаны — сеньор де Ре и другие — договорились о главном. Это и задержало на несколько дней прибытие армии в осажденный город.

Таким образом, орлеанские граждане, подозревавшие архиепископа в измене, по-своему были не так уж и не правы. Они лишь не знали, да и не могли знать существа всего этого черного дела.

Когда Дюнуа и де Буссак, отправившиеся раньше Жанны навстречу войску, повидались с командирами конвоя, им было доложено о происшедшем в Блуа. Решили этим же днем уведомить главных капитанов, находившихся в городе. И вот в то время, как войско располагалось на отдых, а Жанна и д'Олон возвратились к себе на квартиру, благородные сеньоры собрались в доме канцлера Кузино на улице Розы и держали совет.

Заседание было коротким. Совет принял решение немедленно организовать вылазку с целью взятия